

СЕМАНТИКА ИМЕНИ В ДРЕВНИХ ТЕКСТАХ: ЕЩЕ РАЗ О ЗАГАДОЧНЫХ УЛИЧАХ

Владимир Николаевич Шапошников

(Россия, Ивановская обл., 155600 Шуя, ул. Кооперативная 24)

Истинная сущность слова далеко не всегда обретается на поверхности письменного памятника и порою трудна для подлинного и полного прочтения. Существует вероятность того, что попытки проникнуть в тайны древних знаков могут непроизвольно подменяться их приведением к той или иной научной концепции. Поэтому задачей изучения (и известной гарантией от исследовательских смещений) должно быть следование логике самого слова: не изолированное рассмотрение, но его анализ как объективной принадлежности структуры текста, не статично, но в подвижной сфере непосредственного функционирования. Последовательно и всесторонне прослеживая объективную логику бытования имени в композиции памятника, можно надеяться на углубление и уточнение имеющихся знаний, на нахождение дополнительных критериев их оценки.

Этнонимы являются древнейшими носителями уникальной лингвокультурной информации. Поскольку (в отличие от обозначаемых этносов) это знаки языка, то для многих древних имен единственная реальность бытия – письменные тексты, из коротких, собственно, они и известны. Очевидна самостоятельная ценность лингвистики текста, анализа структуры письменного памятника и этнического знака как ее элемента, сравнения этнонима в разных списках и редакциях. Это подход к этнокультурному явлению "со стороны слова", в отличие от (но и "наряду с") нелингвистических дисциплин, изучающих его предметно-материальный план/этническую ситуацию, касающихся этнических знаков со стороны их объектов.

В сложных и многосоставных произведениях, каковыми являются летописи, семантика этнического имени не всегда

остаётся неизменной – об этом могут свидетельствовать его структурно-семантические связи в развертывающейся хронологии контекстов. История функционирования отражает смену языковых и культурных ориентиров, мировоззрений и политических тенденций. Важно учесть все употребления знаков, рассматривая их в текстах и тщательно сопоставляя реализуемые взаимосвязи.

Согласно летописному представлению имя, которое принято презентировать формой *уличи*, занимало в славянском мире особое положение. Ученые всегда отмечали загадочность этого племени и немногочисленность имеющихся сведений о нем. Согласно краткому определению последнего времени, это "восточнославянское племя, часть которого в конце IX – начале X века переселилось из Поднепровья под натиском кочевников в Нижнее Поднестровье (Агеева 1990, 45). Этот вывод интерпретируют разные дисциплины; но например, на базе археологических разысканий он не является единственной результирующей (ср.: Федоров 1960, 69, 186 и д.). Отметим, что если археологи и склоняются к этому мнению, то не только на основе собственного материала, но и на основании некоторых сообщений письменных памятников, см. ниже. Информацию материальных памятников резюмировал В.В. Седов (1982, 132): "Данных слишком мало, чтобы очертить ареал улличей... Пока очертить территорию улличей по археологическим данным нельзя".

Мнения ученых об улличах, начиная с прошлого века, расходились по ряду вопросов. Различны географические трактовки загадочного племени: мнения колебались между Поднестровьем (Н.П. Барсов) и Поднепровьем (А.А. Шахматов). Нет и полного хронологического единства: в отличие от цитированного, высказывались мнения о более позднем перемещении улличей, в середине X века (Хабургаев 1979, 153). Наконец, исследователи опираются на разные формы этнонима, зафиксированные текстами: *уличи*, но *уллучи*, *угличи*, однако и ими не исчерпывается коллекция текстовых форм.

Спорен вопрос о происхождении этнонима, свидетельством чему разнородный этимологический багаж; различия сводятся не только к конкретным несовпадениям версий, но затрагивают самое

качество этимологических решений. Ранняя этимология приводила данное имя к общему географическому понятию, выражавшемуся у славян термином *лука* – за последним мыслился не только изгиб берега, но и территория у изгиба моря или реки (Барсов 1885, 97). Данное уточнение в какой-то мере снимает противодействие того обстоятельства, что понятие "залив" летопись передает греческим словом *лимень* и лишь позже прибегает к слову *лука* (Трубачев 1961, 188, со ссылкой на С.М. Середонина).

Эта этимология была поддержана Б.А. Рыбаковым, который пытался ее усилить, объяснив расхождение между *ж-лжка* и *у-улучи* поздним характером летописной преобразованной формы этн. *улучи*, которая, по мысли ученого, со временем могла превратиться даже в *уличи*. Но следует принять то обстоятельство, что слово *лука* осваивается на несколько более позднем летописном этапе; текстовых сближений рассматриваемого этнонима с данным географическим термином не обнаружено. Кроме того, принятие приставочной структуры накладывало бы хронологические ограничения: приставочное словообразование является относительно поздним способом (в летописном корпусе только одна сходная единица *поморяне* – признаваемая позднейшей (Лециевич 1988); к тому же последняя вряд ли образована непосредственно с помощью приставки, но более вероятно с помощью суффикса от готового географического названия).

Другая этимология приводит славянский этноним также к географическому, но иному понятию – "угол". В. Кипарский (Kiparsky 1958, 263), разумея под данным именем славянское племя в древней Бессарабии, связывал его со ср.-греч. *ὄγγλος*, слав. *qglъ, османс. *Budžak*. Попутно, в современном топониме *Углич* хельсинский ученый видел *Qgъльсь как обозначение колена Волги.

В дальнейшем эту этимологию капитально преобразовал О.Н. Трубачев. Он обосновал не только этимологическое значение, но и иное реально-семантическое наполнение этнонима, связав понятие угла не с морем, но с взаиморасположением рек (Трубачев 1961, 186–190). Исследователь отметил на юге схождение Днестра и Буга, но наряду с тем поставил "вопрос о связи улличей с другим

Углом – на Днепре", что "еще задолго до перехода к Черному морю уличи уже жили в местности Угол". Это обстоятельство по мнению О.Н. Трубачева "позволяет окончательно усомниться в точности названия Угол от изгиба, залива Черного моря". Данная этимология включает не только одну ф. *угличи*, но также и ф. *уличи*. О.Н. Трубачев объясняет последнюю тюрко-славянской интерпретацией.

При интерпретации иноязычных контактов возникли и мнения, сводящие этн. *уличи* к неславянскому самоназванию, "иранскому или угорскому, но вероятнее всего тюркскому" (Хабургаев 1979, 53–54). Конкретизированное выражение эта тенденция получила, например, в построениях Б.В. Кобылянского, однако он приходит к другой форме этнонима (из *улус*; оценку данной гипотезы, а также этимологии О.Н. Трубачева, см.: Худаш 1981, 53–54).

Последняя современная этимология отправляется от другого – словообразовательного критерия, для этого избирается ф. *уличи*. Суффикс *-ич-* истолковывается в ином – патронимическом ключе: производящая основа выбирается не из апеллятивной лексики, а из ономастики; этн. *уличи* возводится к собств. имени *Уль* как возможному сокращению составного славянского антропонима. Автор гипотезы М.Л. Худаш (1981) считает, что прочие функции суф. *-ич-* 'выходцы из некоторой местности') вторичны и развились из патронимического значения (специально обсуждать вопросы словообразования в данной статье не представляется возможным, однако отметим среди "других" форму IНовг.лет. *угльче*).

Существующие этимологии этнонима используют ту или иную аргументацию, основанную на различных сторонах письменных сообщений. Однако взаимная критика, заложенная в концепциях наряду с позитивными утверждениями, приводит к мысли, что они не охватывают всего существующего материала памятников. Попробуем же взглянуть на этноним в реальности его текстового бытования. Необходим детальный анализ композиции летописных вариантов и их сопоставление друг с другом.

I. Повесть временных лет упоминает уличей всего 2 раза: в

последнем восточнославянском перечне предхронологической части и под 885 годом. Первое сообщение Лавр.лет. таково: *а Оулучи Тиверьци сѣдаху бо по днѣстрѹ. ѡли до моря. сѹть гради их. и до сего дне.* 5л. Иное сообщается другими летописями: *а Оулучи Тиверьци сѣдаху по Бугѹ. и по днѣпрѹ. ѡли до моря.* Ипат. бл.

Приведенная группа сообщений имеет внутри себя различия по двум основаниям: морфемно-деривационным особенностям *улучи* – *уличи* соответствуют предметно-смысловые расхождения. Налицо разные географические ориентиры, обнаруживающие две древние концепции если не расселений улличей, то по крайней мере, топографической привязки их этнонима. Лавр.лет. связывает улличей только с Поднестровьем без упоминания других (sic!) областей; Ипат. и др. лет. связывают улличей с более широким регионом, простирающимся с Юго-Запада до Днепра. В последнем блоке формально выделяется Радз.лет.: она дает форму *улучи*.

На месте этого дохронологического упоминания улличей/улличей ряд источников, которым в принципе знаком рассматриваемый этноним, предъявляют не ф. *уличи*, но совершенно другие и иначе ориентированные. Таковы списки I Соф.лет., где мы находим *лутичи*. Концептуально важно и то, что в Ипат.лет. дохронологический экземпляр этнонима переправлен в *лутичи*, а в Радз.лет. сверху другими чернилами дописано *-ти-*, так что получилось *улутичи*. Это своего рода сближения инициции *ули-* с гнездом *улучи*.

Наряду с отмеченными различиями, Лавр., Ипат. и все остальные сообщения обнаруживают общую – хронологическую черту: летописная композиция трактует улличей/улличей в Причерноморье не как поздних пришельцев. Хотя летописная память может иметь и собственные измерения, но по текстам, улличей не только не новоселы в Поднестровье, а скорей наоборот, поскольку летописец отметил, что "есть города их до сего дне". Хронологическое исчисление этого "обустройства" небезразлично к тому обстоятельству, что, как подчеркивал О.Н. Трубачев (1961, 186) – улличей "исчезли очень рано – в сущности до начала письменного периода русской истории" (то же: Хабургаев 1979, 198).

Второе и последнее сообщение означенной группы летописей по своей структуре и базовым признакам отличается от вышеприведенного. Из всех летописей складывается иной морфологический набор: лишь одна форма *уличи* напоминает нам о первом сообщении – она фигурирует только в двух памятниках. А со *Оуличи* и *Тиверьци* *имѣаше рать*. И 10л., Л 8об. Эта фраза находится в контексте сообщения о древлянах, полянах и радимицах, которыми, не в пример уличам и тиверцам, Олег к тому времени уже "обладал". В ее структуре этн. *уличи* взаимодействует с другими единицами по социально-политическому признаку.

Заметим, что в 1Соф.лет., где при первом употреблении произошел формальный отрыв от парадигмы, подобная запись отсутствует – этим она смыкается с другой группой сообщений, см. ниже.

Предметно-логический итог сообщениям выделенной группы: в их 1-м свидетельстве идет речь о юго-западном по отношению к днепровскому региону, не-днепровском племени. Лишь Ипат. и Радз. лет. распространяют своих уличей с юго-запада на восток, до Днепра, но от этого юго-западная отнесенность этнонима не утрачивается. Наиболее продвинутым на юго-запад этноним оказывается согласно Ипат.лет., которая упоминает земли вплоть до Подунавья. Словообразовательной приметой данного блока выступают формы Лавр., Акад., Троиц. лет. *улучи*.

В структурах 2-го сообщения ф. *улучи* исчезает повсеместно, уступая другим написаниям – *уличи* и *суличи*. Они, в особенности последняя форма, реально подтверждают выделимость конечного форманта *-ичи*. В семантике этнонима появляется днепровское звучание. Но и в этом упоминании нет безусловных и явных свидетельств об исключительно днепровском проживании уличей, как и вообще отсутствует их географическая характеристика. Их имя в текстовой структуре отъединено от "классических" днепровских племен, и опять они выступают обособленно в смысловом блоке с тиверцами. Учитывая формы *суличи/посуличи*, и вкупе с фактами предшествующего сообщения (*лутичи, улутичи*), есть основания говорить о разновидностях этнических представлений,

нарушающих единство летописной парадигмы.

II. Этим летописный банк знаний не исчерпывается. В летописном корпусе отыскивается сходный по форме этнический знак, однако он обнаруживает иную линию бытования: она очерчена 1 Новгородской и отчасти Софийской летописью. Отличие уже в том, что в их дохронологических разделах нет толкования имени уличей, поэтому нет возможности сопоставить этнические знаки в не осложненном социальными признаками виде. Впервые имя упоминается позднее, в хронологическом ключе, уже при Игоре, причем, в отличие от предыдущей группы памятников, употребляется не 1, но несколько раз.

Под 852 годом 1Новг.лет. (1Соф. 7об. – 862 г.), в отличие от рассмотренного материала, появляется фонетически и морфологически иная форма – *угличи*. Вместе с тем среди вариантов обнаруживается словообразовательное отличие – *угльче*, 1Новг.лет.

Тексты этой группы содержат и лексико-семантические отличия: этноним вступает в межсловесные смысловые оппозиции иного качества. Он сближается с днепровским этн. *древляне* (по социально-политическому признаку) до такой степени, которой не обнаруживали тексты вышерассмотренной группы: и владѣюща Полами. и бѣша ратни съ Древланы и съ Уличи. Таким образом рассматриваемый этноним несколько не отделен от назв. *древляне*, что имело место в предыдущей группе, см. выше, но составляет с ним одно смысловое целое, обозначая единовременный предмет полянской экспансии. В отмеченной структуре налицо явная привязка к днепровскому региону, причем не очевидно к низовьям Днепра. Данное обстоятельство еще более выпукло в Соф.лет., где обозначена как стабильная территория полян, название которых не отделено синтагматическим знаком, что можно расценивать как несколько большую близость: и науаша владѣти Полянскою землею и бѣша ратни съ Древланы и Угличи. Выявленное включение в днепровскую этно-политическую ситуацию повторяется в структуре названных источников и далее, под 922 г., когда рассматриваемый этноним образует подобную лексико-семантическую конструкцию с этн. *древляне*: Игерь же сѣдаше. в Кieve княже. и воюя на

Древаны и на Угличѣ. 1Новг.лет.

Как характерную черту этой второй линии летописного корпуса следует отметить то, что этн. *угличи* не обнаруживает в ее сюжетах не только устойчивых признаков, но даже ассоциаций с Юго-Западом. Поэтому новгородско-софийские формы *угличи/улицы* коррелируют не со своей совокупностью, но только с той разновидностью киевской-низовской концепции, см. выше, которая содержала явный разрыв парадигмы этнонима, где (при формах *лутичи, улутичи* первого сообщения) имеют место ф. *суличи, посуличи* второго сообщения об этносе, указывающие на связь некоторых этнических представлений с Днепром, непосредственно с Киевской волостью.

Однако при отсутствии сюжетных ассоциаций новгородцу был известен этнический знак другой географической зоны; северный писатель посчитал нужным сказать о попадании днепровского этнонима в юго-западный район. Следом за приведенной цитатой, см. выше, запись 922 г. 1Новг.лет. вдруг завершает историко-географическим разъяснением: *и бѣша сѣдаше Улицѣ по Днѣпру внизъ. и посемъ приидоша межѣ Бз и Днѣстроу. и сѣдоша тамо.* Таким образом существование перекликающихся этнонимов на Днепре и на Днестре объясняется вынужденной миграцией племени. Те, о ком новгородская летопись вела речь до этого, *угличи* рисуются изначально днепровским народом, причем выражение *по Днепру вниз* само по себе строго не означает, что они сидели именно в далеких низовьях, так как этноним привязан летописью к среднеднепровскому континууму, что и было показано.

Многие современные ученые согласны с летописным сообщением о передвижении улочей с Днепра на Днестр; собственно, на этом строятся трактовки в рамках всех дисциплин. Однако следует подчеркнуть, что причину миграции в Днестровский бассейн новгородский повествователь объясняет не посторонними силами, см. выше, но имманентными для восточнославянского мира факторами – натиском полян, а не кочевников. Данной причине соответствует и хронологическая

отметка новгородского летописца: и посем приидоша межи Бог и Днестр, – говорит он после описания Свенельдова вояжа. Под 940 годом упомянут город уличей Пересечен, однако его местонахождение в точности не определено (Седов 1982, 131), хотя в современном мнении его и принято нередко связывать с Днестром.

Это единственная – внесюжетная – ассоциация угличского этнонима с Юго-Западом в северном секторе летописного корпуса. Кроме этой проскользнувшей ремарки, несколько запоздалой в композиции летописного рассказа, новгородский текст событийно никак не связал угличей с Поднестровьем–Подунавьем, отмеченным предыдущей группой источников. Отсутствуют в севернорусском изложении и лексико-семантические связи *уличи-тиверцы*, установленные выше по структуре других летописей, как отсутствует в новгородском тезаурусе сам этн. *тиверцы*. Со словообразовательной точки зрения обращает внимание переход от употреблявшейся перед этим формы *уличи* к форме *улицѣ* при упоминании Юго-Запада.

Отмеченные черты заставляют думать о возможно ином содержании этнического знака в новгородских летописях, не исключая и его географической характеристики; новгородский этноним маркирован формой *уличи*.

Если принять во внимание обнаруженные ипостаси этнического знака в памятниках отмеченных групп, то получают объяснение некоторые явления варьирования. Так, при первом упоминании, перед годовыми записями, этноним фигурировал в форме *улучи* и соотносился с юго-западным районом, см. группу I. Данным образом знак презентирован не в одной, а в нескольких редакциях Повести времен. лет, что дает основание говорить об известной традиции, по крайней мере, не сводимо только к случайной описке. При втором же, хронологическом упоминании, где этноним сопределен днепровской стихии (но не сливается с ней, как мы видели, в отличие от новгородско-софийских представлений), форма *улучи* не употребляется ни одним из этих списков. Во втором употреблении этнического знака эти летописи переходят к другим формам, однако не только к форме *уличи*. Неправомерно .

проходить мимо форм *суличи*, *посуличи*, в них также просматривается отдельная этногеографическая традиция (речь о способах номинации, вне хронологической оценки).

Произведем словообразовательную группировку этнонимических форм в текстах памятников:

Лавр.лет.	оулучи	уличи
Ипат.	оуличи/лутичи	оуличи
Радз.	уллучи/улутичи	суличи
Акад.	уллучи	суличи
Троиц.	уллучи	посуличи
1Соф.	лутичи	угличи
1Новг.	-	угличи, улицѣ, уличи

Вместе со словообразовательным распределением, этнографическая картина I-ой из выделенных групп памятников (киевские и низовские летописи, не помнящие о поляно-уличской войне) распадается на две части, то есть представленный в них набор знаковых форм определяется двумя типами. 1 тип – в котором отличительной выступает ф. *уллучи* и формы с корнем *лут-* в двух случаях из трех они вторичны. 2 тип – киевская интерпретация знака: ф. *уличи* и формы с корнем *сул-*.

Со вторым типом интерпретации этнического знака в Пов.врем. лет, но не со всеми употреблениями, увязывается новгородский этн. *угличи* и вторая презентация этнонима в Соф.лет., также *угличи*. Таким образом, корреляция *уличи-угличи* – далеко не единственная в словообразовательно-номинативной парадигме; во всей совокупности реальных форм летописного этнического знака несколько противопоставлений, лингвистических и экстралингвистических.

Каково место формы *уличи*? Поле ее функционирования неоднородно. С одной стороны, она окказионально сопутствует форме *угличи*, в Новг.лет. Софийская же, выдерживающая почти всегда одну с новгородской линию, отличается тем, что совсем не знает ф. *уличи*, называя только *угличи*; ее предхронологическая

форма *лутичи*. Другая – основная, а не сопутствующая сфера ф. *уличи* – это второе упоминание племени в киевско-низовских летописях, а также предхронологический экземпляр Ипатьевской летописи.

Намечается распределение предметной отнесенности выделенных типов форм. Гнездо *улучи*, как показывают структурно-семантические связи его единиц в текстах, тяготеет к юго-западному району, а гнездо *угличи* – к Поднепровью (при демонстративной отнесенности ф. *суличи*); форма *уличи* включена в обе сферы.

Между типами есть и сходства. Словообразовательное схождение заключается несомненно в том, что большинство из всех единиц представляют морфемные структуры с суф. *-ич-*. Реализация этой модели объединяет не только формы редакций Пов.врем. лет, но и шире, обе названные группы памятников. Словообразовательная модель взаимосвязана с типом номинации, ср. в разных летописях: *угличи* – Угла, Угол, *суличи* – Сула, – где производящие основы являют опору на топонимы, и вообще связь с географическими представлениями: *улучи* при этимологии Н.П. Барсова. Таким образом наблюдается схождение обозначенных линий и в общем, географическом, принципе номинации.

Итак, анализ сферы реального функционирования, сопоставление текстовых форм показывает, что знак, в интерпретации которого сложилась определенная схема исследовательских операций, может не быть монолитным образованием. В конкретных структурах текстов порою предстает более сложный набор явлений, и только одно из них невозможно признать "главным" или по преимуществу характеризующим.

Иллюстрацию семантики имени в древних текстах уместно завершить сравнением с западной словесностью. Памятник IX века Географ Баварский-Дескрипцио цивитатум упоминает этноним, созвучный летописному – *Unlizi* (исследователи признают в нем уличей), и разъясняет его: многочисленный народ, [у которого] СССXVIII городов. Этот народ замечен неизвестным баварцем на Дунае. Обращает внимание весьма большое по сравнению с

другими племенами в этом памятнике число городов, а следовательно, численность народа и занимаемая территория. Unlizi были скорее большой группировкой, чем небольшим племенем, и потому не могли размещаться в слишком ограниченных пределах; с другой стороны, они мало похожи на новопоселенцев в указанных краях. Кроме того, это может быть не единственная переключаящаяся форма даже в рамках данного небольшого источника (о дублетности этнонимов как принципе построения этого памятника см.: Херрманн 1988).

ЛИТЕРАТУРА

- Агеева, Р.А. 1990, *Страны и народы: происхождение названий*. М.
- Барсоб, Н.П. 1885, *Очерки русской исторической географии*. Варшава.
- Лециевич, Л. 1988, Летописные поморяне. В кн.: *Древности славян и Руси*. М., 133–137.
- Рыбаков, Б.А. 1950, Уличи. *Крат. сообщ. Ин-та ист. матер. культуры XXXV*. М., 6–11.
- Седов, В.В. 1982, *Восточные славяне в VI–XIII вв.* М.
- Трубачев, О.Н. 1961, О племенном названии "уличи". В кн.: *Вопросы славянского языкознания*. М., 186–190.
- Федоров, Г.Б. 1960, *Население Прутско-Днестровского междуречья*. М.
- Хабургаев, Г.А. 1979, *Этнонимия Повести временных лет*. М.
- Херрманн, И. 1988, Ruzzi, Forsderen, Fresiti. К вопросу об исторических и этнографических основах "Баварского Географа" (перв. пол. IX века). В кн.: *Древности славян и Руси*. М., 163–168.
- Худаш, М.Л. 1981, Про походження давньоруських етнонімів дреговичі й уличи. *Мовознавство* № 5, 52–58.
- Descriptio civitatum et regionum... In: *Monumenta Poloniae Historica*. Т. 1. Lwow. 1864, 10–11.
- Kiparsky, V. 1958, Über die Betonung altrussischer Völkernamen. *Scando-Slavica* IV. Copenhagen, 262–269.